

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

В.С. Кузнецова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Легенды о спасении младенца Христа в русской фольклорной «Библии»: спасение в печи (русские сибирские записи на общерусском фоне)*

Среди фольклорных повествований, приуроченных к евангельским событиям, известны рассказы о чудесном спасении младенца Христа: преследуемая гонителями Дева Мария с младенцем (по другой версии – сам Иисус Христос) просит женщину бросить в печь собственного ребенка, а Христа взять на руки и выдать за своего; младенец в печи чудесным образом остается невредим.

Подобный рассказ читаем, например, в записи XIX в. (Смоленская губ.):

[1] *«Гаспоть ат акайных жидоў ускачіў у горницу, а там жэніцина кормить грудью дитёнка.*

Гаспоть крикнул на жэніцину:

– Дитенка брось у печь, а мяне вазьми!

– Божжа мой, да юн згарить!

– Нябось! ничога нябудить твайму дитёнку, Толька тоя делай, што я скажу.

Баба бросила свайго дитёнку у печь, а Христа узяла к сабе на руки. //

Жиды тоя видють, што баба укинула дитёнка у в агонь, а тога ня видють, што Христос на руках, а дитёнык тэй на тую пару-ўремичка бутца крикнуў у печи.

Забили жиды у ладони:

– Христа спалили, спалили, спалили!

Дитёнык пириставіўся весь у твитах и стал у святых, а Христос пашоў с двинацытыю апосталами» [Добровольский, 1891, с. 243-244].

Тот же сюжет находим в рассказе, записанном на сто лет позднее (Гомельская обл.), мотив чудесного спасения в печи сочетается здесь с мотивом чудесного роста растений:

[2] *«По ўсім сельсовета́м приказали хлопчикам отсека́ть головы. А Матерь Божья́ с Иисусом узнала и убежала от властей. [Одна жэніцина приютила ея, спрятала Иисуса в печку и закрыла заслонку. Преследователи его не нашли. Пошла Матерь Божия́ с Иисусом дальши́е. Видит – сеет мужик пше́ницу.]*

– Сеете пше́ницу?

– Сею.

– Заўтра жать будете. //

---

* Публикация подготовлена в рамках проекта «Русская фольклорная Библия в Сибири» по программе фундаментальных исследований ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории».

Што это там за ўопросы, заўтра жать? [Удивился, пошел домой. А на-завтра выходит – пшеница поспела. Едут стражники, спрашивают, не видал ли тут проходящую женщину с ребенком маленьким? Отвечает – видал.]

– А колИ она шла?

– Да кады пшаницу сеял.

[Стражники думают: э, как давно! – и повернули обратно.] Етым слóвам йих атверну́ла.

Приходит яна́ к речке з хлопчиком з ётым. [А на берегу играют дети у лодки. Она просит их перевезти на тот берег, а они отвечают: «У нас лодка поломана». – «Ничео, все будет хорошо». И верно, лодка оказалась в порядке, и хлопчики благополучно перевезли Богоматерь с младенцем.]» [Белова, 2004, № 632]¹.

Известны подобные рассказы в русских сибирских записях. Приводим две фиксации сюжета из публикаций второй половины XIX в., одна из них сделана на территории Западной Сибири (Томская губ.), другая в Восточной Сибири (Иркутская губ., Тункинская долина):

[3] *«Маленький Христос, преследуемый, просил Улиту спрятать его. Улита своего собственного сына бросила в топившуюся печь и Христа положила в зыбку: преследователи не нашли Христа и только вышли вон, мать подошла к печке, а там Кирик стоит “оставленный” (целый)» [Потанин, 1864, с. 121].*

[4] *«... как только жидаы узнали о рождении Христа, то бросились его искать, чтобы убить, но никак не могли найти. Тогда стали жечь всех ребят; одного парнишку бросили в печь, когда матери его не было дома: мать вернулась, посмотрела в печь, а там в огне сидит парнишка и играет угольками!» [Астырев, 1891, с. 39].*

Существуют и более поздние записи таких рассказов – 50-е, 70-е гг. XX в. (Томская обл.):

[5] *«... и, значит, напали на ево [Христа] жидаы и хотели ево сжечь в огне. Он от их убежал, вбежал в избушечку, а там сидит **женщина** и кормит младенчика. Старичок он был и говорит: «Женщина, бросьте сваго младенца в печь, пускай он сгорит». Она сначала не хотела, а он сказал, что ему смерть. Женщина бросила младенца в печь. Младенец перевертываца и начал там играть свиточками. Он говорит: «Возьмите меня на руки и прижмите меня к своей груди». Она взяла старика на руки и прижала его к своей груди. А он и сделался маленьким мальчиком в пеленочках. Жидаы забежали, его не нашли» [ФА ОмГПУ, ЭК-10/1951 № 60]².*

[6] *«Искали Иисуса Христа. Спрятала его **цыганка** у себя в печке. Когда пришли в дом, она стала подкладывать мелкие щепочки в печку, деляя вид, что зажигает, а сама отодвигала их дальше. Так и не нашли Иисуса. Поэтому нельзя винить цыганку, что она крестится: она Иисуса спасла» [ФА ОмГПУ, ЭК-1/1973 № 31]³.*

Очень близкое по содержанию повествование о спасении младенца Христа находим в духовном Стихе «О Милостивой жене, Милосердной», который по за-

¹ Е.Ф. Белая, 1908 г.р., Золотуха Калининковского р-на Гомельской обл., ПА 1983, зап. Е.В. Тростникова.

² Зап. Овсянникова, Назарова в д. Пospelово Большеуковского р-на Омской обл. от А.С. Каршиной. Тексты ФА ОмГПУ указаны и копии сняты по нашей просьбе Н.К. Козловой.

мечанию Г.П. Федотова, «под именем жены Аллилуевой» был очень распространен [Федотов, 1991, с. 39].

Приводим вариант такого стиха – из собрания П. Бессонова, № 321 (с пометой: «Валдайский уезд, деревня Бор <...> записано от слепого крестьянина Лариона»):

*Милостивая жена Милосердная
Топила во граде свою келью,
Держала своего чада на ручах.
К Милостивой к Жены Милосердныя
Иде сама Дева Пресвятая,
Несе самого Христа Бога на руках:
«Милостива жена Милосердная!
Бросай ты свое чадо в огонь и пламя,
ты бери самого Христа Бога на руки:
Бегут жида-супостаты
с оружьям и с вострым копиям,
хотят Христа Бога убить».
Милостива Жена Милосердная
Бросила свое чадо в огонь и пламя,
Брала самого Христа Бога на руки.
Жида-супостаты набежали
С оружьями, с вострыми копиям,
Жену Милосердную Жида да спросали:
«Милостива Жена Милосердная!
Давно ль ты Христа Бога видала?»
Милостива Жена им отвечала:
– Ой же, Жида-супостаты!
Я теперь Христа Бога поймала,
Я в огонь во пламень его вогнала.
Жида к огненной печи приходили:
Во печи младенец стрепехнулся,
Показал жидам он руки и ноги.
Жида-супостаты срадовались:
«Мы теперь Христа поймали,
Мы в огонь во пламя его загнали,
Медным заслоням заслоняли,
Зеленым подпорам подпирали!»
Жида прочь от печи отходили.
Милостивая Жена Милосердная
Не могла Христа Бога содрержать,
На его на светлость наглядеться:
Не стало Христа у ей на ручах.
Милостива жена Милосерная
К огненной ко печи приходила:
– Ужо ль там сгорело мое чадо?
Зелены подпоры отпирала,
Медны заслоны отслоняла:
Во печи трава выростала,
На травы цветы разцветали,
Во цветах младенец играет,*

---

³ Зап.: Т.Г. Леонова, В. Евсюкова, Н. Матвеева в д. Тайга Знаменского р-на Омской обл. от Е.К. Шалуниной.

*На нем риза солнцем возсияет,
Евангельскую книгу сам читает,
Небесную силу прославляет,
И со ангелами, с херувимы
И со всею с небесною силой.
Милостива Жена Милосердная
Она первая в раю пребывает.
Аллилуя, аллилуя, аллилуя,
Мы славим Тебе, Христа и Бога!
[Бессонов, 1863, с. 118-121].*

Можно выделить две версии этого Стиха. Согласно первой, с просьбой к милостивой жене обращается Дева Мария. Эта версия и представлена в приведенном выше варианте, ее же находим в одном из двух вариантов стиха «О Милостивой Жене Милосердной» в сборнике В. Варенцова (№ 55-56 с пометой: «от ак. Срезневского»):

Стих о милостивой жене, милосердной

*Милостива жена, милосердная
Топила во граде свою келью,
Держала своево чада на ручах.
К милостивой к жены милосердныя
Идет сама Дева Пресвятая,
Несет самого Христа на ручах.
«Милостива жена, милосердная,
Бросай ты свое чадо в огонь и пламя,
Ты бери самого Христа на руци!
Бегут жида-супостаты
С оружием и с острыми копиям,
Хотят Христа Бога убить».
Жида к огненной печи приходили,
Во печи младенец стрепехнулся;
Показал жидам он руци и ноги.
Жида-супостаты срадовались:
«Мы топерь Христа Бога поймали,
Мы в огонь, во пламя его вознали, //
Медным заслоном заслоняли,
Железным подпором подпирали».
Жида прочь от печи отходили,
Милостивая жена, милосердная
Не могла Христа Бога содержать,
На его на светлость наглядеться.
Не стало Христа у ней на ручах,
Милостивая жена, милосердная
[Варенцов, 1860, с. 177-178].*

По другой версии, представленной в вариантах этого стиха, не Богородица обращается к жене, а сам Спаситель, так например:

*Из граду молодец утекает,
На путь на дорогу нападает.
На пути ли на дороге*

*Жила Жéна Милосéрдная:
Перед нею горит огонь-пламень,
На ру́цах держала младенца;
Истинный Бог возвещает:
Жéна Милостивая Милосéрдная!
Брось ты свою чаду в огонь-пламень,
Прими ты Христа Бога на руцы
[Бессонов, 1863, № 323].*

Сам же Христос утешает милостивую жену и побуждает ее открыть печь, чтобы найти там своего невредимого сына:

*Истинный Христос, сын Божий,
Неведим прорéчил:
«Милостива Жéна Милосердна!
Твоё чадо не согрею,
Твоё милое ни в чем невредимо:
Твоё чадо по печи гуляет,
Святое Евангелъе читает,
Ангелы младенца утешают».
Милостива жéна не поверила,
Во огненну печь заглянула:
По Божьему суду-изволенью,
Во пламе трава выростала,
Лазоревы цветы расцветали.
Милостива Жéна перекрестилась:
– Премудр Господь, Сыне Божий,
Премудра твоя небесная сила!
[Бессонов, 1863, № 325].*

Такую версию находим и в русской сибирской записи этого стиха, сделанной П.А. Городцовым 15 июля 1907 г. в Тобольской губ. от крестьянина Дмитрия Никифоровича Плеханова [РГАЛИ, ф. 1366, оп. 1, ед.хр. 177, л. 5об-6, № 3]¹:

*Еще Жиды Христа потеряли,
И Христос Бог из града убегает,
Он на путь на дорожку поступает
И до села до деревни добегают.
И приходит Христос Бог во селенье
К Жéне Милостивой Милосердной.
Жéна Милостивая Милосердная,
Она держит младенца на руцах
Ей Христос Бог возреждает:
– Жéна Милостивая Милосердная.
Брось ты свое милое чадо в огонь-пламень,
Возьми ты Христа Бога на руцы!
Жéна Милостивая Милосердная
Бросила милое чадо в огонь-пламя
И взяла Христа Бога на руцы.
Набежали Жиды Жидовины
К Жéне Милостивой Милосердной:
– Жéна Милостивая Милосердная,*

---

¹ [Городцов П.А. Народные стихи. Запись. Автограф. 10 с., л. 5об-6, № 3].

Ты куда Христа Бога сподевала?
 – Я бросила Христа Бога в огонь-пламя.
 И в огне-пламе младенец стрепескался.
 И оказал Жидовинам руци-нози.
 Иишио в топоры жиды зрадовалися,
 Заскакали Жиды, заплясали,
 В щелчки Жидовой защелкали.//
 Жена Милостивая Милосердная.
 Она плачет об чаде милом.
 Ей Христос Бог возрецает:
 – Жена Милостивая Милосердная!
 Ты не плачь, не тужи об чаде об милом
 Твое милое чадо не сгорело.
 Не сгорело чадо милое, не изотлело.
 Он во церкви по печке [?] гуляет
 И евангельскую книгу читает,
 Он сам себе имя нарекает.
 Он нарекает себе имя: Аллилуйа,
 Аллилуйа, слава Боже, Аллилуйа.

Подобный же вариант был записан Ф.К. Зобниным от «стихаря» Максима Мордвина в 1896 г. на Святом Ключе в семи верстах от Семипалатинска» [АРГО, р. 61, д. 37, л. 24об-25]¹:

Во граде во Ерхеме
 Сидела благочестивая жена
 И держала младенца на руцех,
 А жиды за Христом бежали-гонялись².
 Истиной Христос прибежал к жене:
 «Святая жена! брось младенца своего
 В огонь-пламень,
 А возьми Христа на руце».
 Жена бросила младенца в огонь-пламя
 И взяла Христа на руце,
 Ко груди положила.
 Жиды набежали, стали спрашивать:
 Жена, ты Христа не видала ли?
 Жена им отвечала: //
 Откройте печь-заслону, взгляните -
 Там Христос в огне в пламе.
 Увидели Христа в огне в пламе,
 Заскакали, заплясали, в ладоши заиграли:
 Теперь мы его согнали в Белаго свету,
 Теперь наша воля будет!»
 Ушли жиды, скрылися.
 Жена сидит, плачет.
 Ей Господь речет: Благочестивая жена,
 Отвори заслон печу,
 Взгляни на своего младенца.
 Младен сидит, играт цветам.

¹ [Зобнин Ф.К. Сборник наблюдений над народной жизнью в Тобольской губернии. 1896 – 1897, л. 24об.-25].

² Строка, внесена нами из сноски на л. 24об. рукописи, где она приписана с пометой: «пропуск» и подписана: «Переписчик».

*Святая жена его из печи вынула
И Христа прославила.*

Приведенная запись снабжена ценной для нас пометой собирателя: «Рассказ о младенце, брошенном вместо Христа в пламя, очень распространен в Тобольской губернии. Пишущему эти строки приводилось слышать этот рассказ в нескольких деревнях губернии» [АРГО, р. 61, д. 37, л. 25].

Таким образом, само содержание приведенных текстов Стиха о Милостивой Жене Милосердной, наряду со свидетельствами собирателей, указывают на то, что фольклорные легенды о спасении младенца в печи представляют собой, по сути, прозаический пересказ сюжета этого духовного стиха. Представляется, что для рассматриваемых народных легенд непосредственным источником излагаемого христианского сюжета явился именно духовный стих, а различия двух версий легенд отражают различия двух указанных версий этого стиха. Первую версию – с просьбой обращается Дева Мария – находим в одном из приведенных текстов легенды [2], другие связаны со второй версией – с просьбой о помощи обращается сам Христос. Примечательно, что и варианты второй версии Стиха более многочисленны.

Заметим, что другой мотив – о чудесном росте растений – присутствующий в одном из вариантов [2] легенды, также обнаруживается в духовном стихе – о бегстве в Египет:

Шла Божія Матерь полем и встретила селянина, – сеет пшеницу; сказала ему Пречистая:

*Помогай Биг, убогій седлячку!
Будуть ту ити Жиды й Жидивки,
Жиды й Жидивки й Жидивськи дивки, -
Поведай же ты, же я тады йшла,
Коли ты ту орав, пшеничейку сеяв.*

Только что ушла Святая Дева за гору, набежали Жиды, и Жидовки, и Жидовски девки, и видят – селянин жнет пшеницу. Спрашивают они о той (белоголовой) женщине, не шла ли мимо его? «Шла, – говорит селянин, – тогда шла,

*Коли я ту орав, пшеничейку сеяв:
А теперь уже пшеничейку зажав.
Говорят Жиды:
– Коли ж то було, коли вин ту орав,
А теперь вин пшеничейку зажав!
[Бессонов, 1863, № 319, с. 116-117].*

Приведенный текст помечен: «В колядках горцев карпатских; ср. Костомар[ов] “Об истор[ическом] знач[ении] Р[усской] нар[одной] поэзии”, с. 18-19» [Бессонов, 1863, с. 117], это означает, что мотив чудесного роста растений, представленный в стихе и легенде [2], имеет одну локализацию.

В прозаических фольклорных повествованиях, спасительницей младенца Христа оказывается не только неназываемая по имени милосердная женщина [1, 2, 5], как в тексте Стиха¹, но цыганка [6] или св. Иулита со своим младенцем Кирком [3].

---

¹ «В одном варианте, – отмечает Г.П. Федотов, – где отсутствует Богородица, она сама называется Марией ([Бессонов] 4, 137), в другом – Ионой (139)» [см.: Федотов, 1991, с. 40, сн. 13].

Мотив, связанный с цыганом, которому можно обманывать и божиться при этом, в фольклоре известен, например, СУС 790*=АА *847=К 790 (Золотое стремечко: св. Юрий учит бедняка (Нестерку, Саввочку, **цыгана**), как жить, чтобы разбогатеть, – воровать и лгать; бедняк крадет у него золотое стремечко (золотое седло, золотой кубок) и отпирается). Другое объяснение того, почему цыгану (цыганке) можно безнаказанно обманывать и божиться, которое находим в народных повествованиях, связано с евангельскими событиями – распятием Христа: цыган (цыганка) не побоялся солгать, чтобы спасти Христа, когда мучители хотели забить Спасителя гвоздь в лоб или в сердце, цыган выдает муху (пчелу) за гвоздь и спасает Христа¹.

Каким образом сюжет о спасении в печи оказывается приуроченным к именам Кирика и Иулиты? По житийной версии жизнь и мученическая смерть этих святых никак не связана с печью и огнем [Четьи-Минеи святителя Димитрия Ростовского. День пятнадцатый (28 июля)], но в версии жития этих святых, изложенной в духовном стихе, близкий мотив находим. Он связан с тем эпизодом, когда неверный царь Максимиан велит ввергнуть в разоженный огнем-пламенем котел свою жену Улиту и младенца Кирика за то, что они «веру веровали ко Господу» и отказывались идолам молиться [см.: Варенцов, 1860, с. 77-86]². В начальной части стиха находим и мотив бегства христианки Улиты из города, где правил неверный царь:

*Во славном было в городе в Домостеев,
Жил-был неверный царь Максимиан;
У него была честная жена Улита;
Она веру веровала ко Господу;
Избежала из-под городу из Домостеева
Во тот во Евсеев город.
Неверный царь Максимиан
Он посланников за нею посылывает,
За честною женою Улиною,
В тот во Евсеев город.
Еще взяли – возвратили в Домосеев город //
Ко неверному царю Максимиану.
Неверный царь Максимиан
Он честной жене обрадовался; <...>
– «Честная жена Улита,
Будешь ли ты мою веру веровать?
Будешь ли моим идолам молиться?»*

[Улита и сын ее – младенец Кирик – отвечают отказом, тогда]

*Неверный царь Максимиан
На святого младенца на Кирика
Он пуще на него озлобился,
Приказал он его на мученье взять,
На мученье взять на великое. <...>
Приказал он наносить в котел
Свинцу, смолы и олова,*

¹ О подобных народных рассказах см.: [Белова, 2003, с. 172-186; Белова, 2004, № 130-132; Кузнецова, 2007].

² «О святом младенце Кирике, о мучении, как его мучит царь, отец бывший ему, по ихнему магометанскому закону», с пометой: «Записано в Нолинске, Вят. губ.» [далее текст стиха приводится по этому варианту – В.К.].

*Разжигать жаром-огнем-пламенем.
 Наносили в котел свинцу, смолы, олова,
 Разжигали жаром-огнем-пламенем,
 Заревел-закипел котел, ровно гром загремел,
 Слышно было на тридцать верст.
 Устрашилась его родимая мати,
 Честная жена Улита:
 Она злую думу задумала,
 Отстает она от Спаса от Пречистаго,
 От Матери Пресвятыя Богородицы.
 Она хочет неверному царю Максимиану прилеститься;
 Она хочет его веру веровать,
 Она хочет его идолам молиться.
 Святой младенец Кирик,
 Трех лет без трех месяцев
 Жалко вопиюще гласит
 Ко Царю ко Небесному:
 «Господи, Отец, Сын, Святой Дух!
 Услышьте молитву святаго младенца Кирика, –
 Не отдайте на великое мучение
 Со родимую со матерью
 Ко царю ко неверному,
 Уймите мою родимую мать!
 Она злую думу задумала:
 Отстает она от Спаса от Пречистаго,
 От Матери Пресвятыя Богородицы».
 Услышал Господи мотиву святаго младенца Кирика.
 <...>
 Оградил Господи котел животворящим крестом,
 Выросла в котле трава-мурава,
 Розцвели цветы лазоревые,
 Святой младенец Кирик
 Жалко вопиюще глаголет
 Ко царю ко неверному:
 «Неверный царь Максимиан!
 Погляди-ко у нас в котле трава-мурава,
 И розцвели цветы лазоревые.
 Велика наша вера крещеная, //
 Велик наш христианский Бог!»
 Еще славен Бог прославися,
 Прославился святой младенец Кирик,
 Трех лет без трех месяцев,
 Со родимую со матерью,
 С честной женой со Улитой,
 Пошла эта слава по всей земле,
 По всей земле, по святой Русе.
 От нынешняго житья-бытья и до веку. Аминь.*

Возможно, бытование в народной традиции такой версии жития этих святых мучеников послужило основанием для сближения мотива спасения младенца Христа женщиной, бросающей в печь своего ребенка, с именами христианских мучеников Улиты и младенца ее Кирика.

В пользу распространенности в народных представлениях именного такого – связанного с огнем – представления о святых свидетельствуют, например, некоторые данные народного календаря, в котором день Кирика и Иулиты – 15/28.VII – грозовой праздник. Возможно, представление о дне Кирика и Иулиты как грозовым праздником в народном календаре поддерживалось его близостью по времени другому традиционно грозовому празднику – Ильину дню, 20.VII/2.VIII. Хотя классические собрания сведений по народному календарю В.И. Даля, И.П. Калининского, А.А. Макаренко подобных сведений не содержат, подтверждения существованию у дня святых мучеников Кирика и Иулиты «репутации» грозового праздника обнаруживаются, например:

«У крестьян Курской губ. Тимского уез. за все лето чуть ли не самый страшный и самый чтимый день – это 15 июля, память мчч. Кирика, Иулиты и Авудита и св. равноапостольного князя Владимира. Муч. Авудита и св. Владимира крестьяне не знают, – знают и боятся только “Кирикия и Уликия”; это, по их словам, “вздорные святые”, которые строго следят, чтобы в их праздники не работали. Вот недавно не послушались стариков – пошли на работу, – и что ж? У одного двух сыновей громом хватило, насилу отошли, у другого корова пала, третий вилами пропоролся. Нет, это вздорные святые, строго следят и долго не терпят. Хоть на Пасху готовы работать, а на Кирикия и Уликия нет. Такой ответ дали крестьяне на предложение заняться в этот день работой хоть после обеда» [Шидловский, 1890, с. 325].

Подобные свидетельства находим и в русских сибирских материалах:

«Июль, 15. Кирика и Иулиты. В этот день крестьяне не убирают сена, так как день этот называют грозным; если в этот день убирают сено, то оно непременно сгорит огнем, потому что Кирика самого на огне мучили (19)» [Скалозубов, 1901, с. 121]¹.

«28 июля – праздник Кирики-Улиты. Это страшный праздник. Делать ничего нельзя, а то все загорится. Вот я помню, работала на тракторе, как раз в этот день. Поехали мы на закрут. А тут вдруг пошла тучка черная, и только мы уехали с этого места, гроза как даст! И запольхало все пламенем» [ГАНУ, ф. М.Н. Мельникова, Т-173]².

«Кирики-Улиты – праздники сердиты, ой, сердиты. Тут вот мужчина был когда-то. Тучи собираются, а него не дометаны копны. Он и говорит жене: “Пойдём, домечем”. Вот они, да ещё один сосед их, поехали, сметали (тогда единолично ещё жили). Едут домой, а тучи... черно – черно, прямо гроза. Легли отдохнуть. А тут ударила гроза. Загорелось что-то в полях. Поехали туда, а там копна этого мужчины горит. Тут ветром сноп вырвало из этой копны и через другие копна бросило в копну соседа. Людское сено стоит, а рядом горит. Ладно, приехали домой. Тут гроза хоп – и на крышу, а крыша соломенная. Пук соломы оторвало да хлоп – к другому, на тесовую крышу. Теперь, конечно, колхоз, не скажешь же там, что в праздник работать нельзя, но дома ничего не делаю» [ФА ОмГПУ, ЭК-3/75 № 12(в)]³.

«И Кирики-улиты, праздники сердиты. Да, девки, был такой праздник. Это летом бывает. И вот рассказывают, что если поробить на этот день, так Бог-то обязательно накажет. Вот было как-то: поработали мужики, сено метали, покос

---

¹ Сообщил М.М. Садовников Большая Тава, Слободчиковской вол. Тарского у. [см.: Скалозубов, 1901, с. 117].

² Зап. Н.Ю. Голубковой в 1984 г. в с. Кадниково Мамонтовского р-на Алтайского края со слов Р.М. Потаповой, 1937 г.р., родители из Воронежской губ.

³ Зап. Н. Браженко, Н. Ткаченко. в с. Черноозёрье Саргатского р-на Омской обл. от О.И. Федяевой.

ведь как раз, вот только кончили, а сено-то и загорелось. Да и зачем в праздни-ки-то работать, когда буден хватает» [ФА ОмГПУ, ЭК-5/1975 № 13]¹.

«Кирик – мальчик, Улита – мать его, они страдали. Отец с сыном (просто ле-генда шла, это не у нас было) Сыну надо было метать сено. Отец говорит: “Да сегодня Кирики”. Сын: “А, Кирики, – пропорет дырики!” Отец наверху стоял, сено принимал. Вот сын как-то неопытно пропорол ему вилами, ткнул его. Вот отец и говорит: «Ты же так сказал: “Кирики – пропорет дырики!”». Так и боялись Кирики: если в дуброве [лесостепь, где косили сено]: “О, завтра Кирики, давайте хоть до обеда не работать, пока идет служба”» [ФА ОмГПУ, ЭК-15/75 № 51]².

Показательно в связи с этим указание, что один из приведенных нами вари-антов легенды [3] зафиксирован собирателем именно как пример, поясняющий, иллюстрирующий сообщение народного календаря – рассказ приводится здесь в разделе сведений по народному календарю: «15 июля, Кирика и Улиты. Грешно работать», далее следует текст легенды [Потанин, 1864, с. 121].

Народные «библейские» легенды о чудесном спасении Христа и младенца в печи становятся, таким образом, результатом «участия» в их судьбе нескольких составляющих. В своей сюжетной основе они являют собой прозаическую парал-лель духовного стиха «О Милостивой жене, Милосердной» в двух его версиях. Влияние же народной версии жития Кирика и Иулиты из духовного стиха и на-родные представления о празднике святых Кирика и Улиты как о «грозовом» по-служили основанием того, что сюжет легенды оказался связанным в ряде случаев с именами святых мучеников Кирика и Иулиты.

Литература

- АРГО – Архив русского географического общества (Санкт-Петербург).
- Астырев Н. На таежных прогалинах. Очерки жизни населения Восточной Сибири. М., 1891.
- Белова О. Кто есть кто? Происхождение и судьба народов в свете «фольклор-ной этнологии» // Россия – XXI век. 2003. № 4.
- Белова О.В. «Народная Библия»: Восточнославянские этиологические леген-ды / Сост. и коммент. О.В. Беловой. М., 2004.
- Бессонов П. Калеки переходные. Собрание стихов и исследование. М., 1863. Вып. 4.
- ГАНО – Государственный архив Новосибирской области.
- Добровольский В.Н. Смоленский этнографический сборник. Ч. 1. СПб., 1891. // Записки РГО по отделению этнографии. Т. 20.
- Кузнецова В.С. Пчела и муха в легендах и поверьях фольклорной Библии (русские сибирские записи) // Кирпичики. Сборник в честь 65-летия С.Ю. Неклю-дова. М., 2007 (в печати).
- Потанин Г.Н. Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом от-ношении // Этнографический сборник, издаваемый имп. Русским географическим обществом. Вып. 6. СПб., 1864.
- РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Моск-ва).
- Сборник русских духовных стихов, составленный В. Варенцовым. СПб., 1860.

---

¹ Зап. Г. Извекова, Л. Шевченко в с. Ивановка Саргатского р-на Омской обл. от Д.М. Кабакова и М.Г. Кабаковой.

² Зап. Л.В. Новосёлова в д. Качесово Муромцевского р-на Омской обл. от А.С. Куту-зовой.

Скалозубов Н. Народный календарь// Ежегодник Тобольского губернского музея Тобольск, 1901. Вып. 12.

Шидловский Г.Р. Кирик и Улита // Этнографическое обозрение. 1890. № 3 (кн. 6).

ФАОМГПУ – Фольклорный архив Омского государственного педагогического университета.

Федотов Г.П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам) М., 1991.